

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ
REVIEWS AND SURVEYS

Серия «Политология. Религиоведение»

2011. № 1 (6). С. 270–280

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 9(571.1/.6)(092)Муравьев-Амурский

Н. Н. Муравьев-Амурский

в материалах Всероссийской научной конференции

«Сибирское общество в контексте

мировой и российской истории (XIX–XX вв.)»

В. Н. Казарин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рассмотрены подходы к изучению личности и деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, показаны современное состояние изучения проблемы и ее перспективы.

Ключевые слова: Н. Н. Муравьев-Амурский, российско-китайские отношения, сибирское общество, декабристы, ссыльные поляки, историография.

В начале октября 2009 г. в Иркутске состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Ее инициаторами и организаторами выступили Иркутский государственный университет, Иркутский институт повышения квалификации работников образования, Министерство культуры и архивов Иркутской области, Иркутский областной краеведческий музей и Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ. Тот факт, что инициатива такой конференции принадлежала представителям иркутского научного и культурного сообщества, далеко не случаен и вполне обоснован: Н. Н. Муравьев-Амурский с 1847 г. по 1861 г. (14 лет) был генерал-губернатором Восточной Сибири, центр которой находился в городе на Ангаре. Заметим попутно, что это своеобразный рекорд продолжительности пребывания в Иркутске в должности генерал-губернатора в имперский период. А. С. Лавинский, первый генерал-губернатор Восточной Сибири, провел в Иркутске 11 лет (1822–1833), В. Я. Руперт – 10 лет (1837–1847). Столько же и М. С. Корсаков, сменивший Муравьева на этом посту (1861–1871). Остальные же – гораздо меньше. Из иркутских генерал-губернаторов стоит отметить А. Д. Горемыкина, правившего 11 лет (1889–1900). Из руководителей региона советского периода самое продолжительное правление было у первого секретаря Иркутского обкома КПСС Н. В. Банникова – 15 лет (1968–1983). Его предшественник С. Н. Щетинин правил регионом 11 лет (1957–1968). Но размеры управляемой подведомственной территории – Восточно-Сибирского

генерал-губернаторства, конечно же, не сопоставимы с Иркутской областью, регионом также крупным даже в масштабах Сибири, не говоря уж о европейской России.

Неслучайно и время проведения конференции: 2009 год – 200-летие со дня рождения Н. Н. Муравьёва-Амурского, предыдущий – 150-летие подписания русско-китайского Айгунского договора, и 2010 г. – 150-летие Пекинского договора, к которым имел непосредственное отношение генерал-губернатор Восточной Сибири. Конференция проходила в соответствии со всеми устоявшимися канонами: помимо пленарного заседания, были проведены четыре секции. Три из них в той или иной степени затрагивали проблемы взаимоотношений власти и общества (конфронтации и взаимодействия в социально-экономической сфере, политической сфере и культуре). Четвертая секция целиком посвящалась вопросам источниковедения и историографии проблем развития сибирского общества.

Достаточно широко была представлена география участников конференции: Владивосток, Иркутск, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Сургут, Улан-Удэ, Якутск, а также зарубежный гость, научный сотрудник Университета Хоккайдо (Япония). В опубликованном сборнике по материалам конференции представлены 64 автора, статус которых – от студентов и аспирантов университетов до докторов наук, профессоров, зав. секторами научно-исследовательских институтов. Всего опубликованы 61 доклад и сообщений самой разнообразной проблематики. В целом, конечно же, как профессиональный исследователь, так и просто читатель, интересующийся исторической проблематикой, найдет в сборнике, объемом 500 стр., немало полезной информации. Кроме того, что немаловажно, в громадном потоке современной информации, зачастую «проходной» и сиюминутной, вернется к материалам сборника, надеемся, еще не раз. А раз так, есть необходимость глубже и внимательнее вчитаться в материалы сборника.

Не ставя невыполнимую задачу дать развернутую рецензию на все представленные материалы и рассмотреть большинство их, ограничимся теми, которые в той или степени продолжают «муравьевскую» историографию. Н. Н. Муравьёв-Амурский заявлен в названиях 10 статей. Упомянется его фамилия гораздо чаще, правда, иногда лишь косвенно, а иногда совершенно искусственно, без «привязки» представленного текста к жизни и деятельности государственного деятеля Российской Империи. Но, поскольку на обложке прекрасной изданной книги в завоевавшей уже популярность серии «Азиатская Россия» представлен портрет Н. Н. Муравьёва-Амурского и значится его фамилия, следует полагать, что все же именно он, по замыслу редакционной коллегии, является главной «центральной» исторической личностью издания.

Литература о Н. Н. Муравьёве-Амурском обширная, как дореволюционная, так и современная. Значит ли это, что можно поставить точку? Разумеется, нет, как и в любой значимой теме. Какими новыми материалами, новыми подходами обогащена историография темы?

Исследователь исходит из наличия имеющихся документов, выявления новых неопубликованных источников, а также, что немаловажно, использо-

вания методологического инструментария, политико-идеологических парадигм. Имеет значение и то, как прочитать исторический и историографический источник. А личность исследователя, его профессиональный уровень, да и черты характера, особенность стиля – разве они не влияют на конечный научный продукт?

Из пяти пленарных докладов Н. Н. Муравьеву-Амурскому целиком посвящен доклад д-ра ист. наук Н. П. Матхановой (Ин-т истории СО РАН, г. Новосибирск), известного и авторитетного специалиста по заявленной теме. В докладе д-ра ист. наук И. Л. Дамешек и д-ра ист. наук Л. М. Дамешека (ВСГАО и ИГУ, г. Иркутск) Н. Н. Муравьев дан на фоне биографий генерал-губернаторов окраин Российской Империи, прежде всего Сибири, понимаемой в дореволюционном смысле этого географического термина.

Именно доклад Н. П. Матхановой, открывающий сборник, и представляет наиболее полный взгляд современной отечественной историографии на значение личности генерал-губернатора Восточной Сибири. Взгляд, безусловно, положительный, но далеко не панегирический, как это было представлено некоторыми современниками и рядом дореволюционных авторов.

Доклад Н. П. Матхановой компактен: очевидно, что автор показывает, что проблема ею рассмотрена в монографическом исследовании, а здесь лишь даны основные положения заявленной темы. Каковы они? Общий подход автора таков: значение Н. Н. Муравьева «не ограничивается решением амурского вопроса. Он предпринял серьезные действия в административной, экономической, социокультурной сферах, имевшие значение для всей Восточной Сибири» (с. 4). Но не следует забывать, что в своих действиях он был ограничен, поскольку являлся частью замкнутого на самодержавного монарха государственного аппарата Российской Империи. Но это не умелый «аппаратчик», а человек, имевших свои определенные политические идеи. Именно поэтому исследователь и говорит о политическом наследии Н. Н. Муравьева, а не просто о его жизни и деятельности. И вот этот акцент в постановке проблемы крайне важен.

Он важен не только для изучения личности конкретного генерал-губернатора. Как в минувшие времена, так и в сегодняшние дни для регионального руководителя, эффективности и успешности его работы, необходимо твердо отстаивать интересы региона. А они очень часто расходятся с интересами центра. А здесь ценно все, в том числе и то, как выстраиваются личные отношения в служебной иерархии. И именно на это, в числе первых положений своей статьи, обращает внимание Н. П. Матханова. Муравьев сумел наладить хорошие отношения с Николаем I, министром внутренних дел Л. А. Перовским, но не имел таких отношений с Александром II и его братом великим князем Константином Николаевичем.

Автор утверждает, что «многие пограничные и даже выходящие за эти рамки вопросы отношений с соседними государствами нередко виднее, понятнее не в МИДе, а на месте, в регионе» (с. 6). И деятельность Н. Н. Муравьева это доказывает. В этом может быть и личная драма. Проекты Муравьева о колонизации дальневосточных земель, равенстве сословий и само-

управлении, льготном налогообложении, о широкой государственной помощи переселенцам не нашли поддержки центральных властей. Но это прозорливость и широта взглядов Муравьёва совершенно очевидна сегодня.

Показателен и опыт, включающий «формы и стиль работы» с местными кадрами, региональной административной и деловой элитой, как сказали бы сегодня – от гонений и увольнений до поиска (и вполне удачного). А разве не актуальна деятельность генерал-губернатора в борьбе с взяточничеством и казнокрадством?

Еще один урок, который в большей или меньшей степени усвоен современными руководителями регионов. Это необходимость использования в своих интересах печати. И здесь Муравьёв предвосхитил наше время. Вспомним, как сумел отстроить отношения с прессой губернатор Иркутской области Ю. А. Ножилов, и чего не смог сделать сменивший его Б. А. Говорин. Первый до сих пор любим журналистской братией; второго она по-прежнему время от времени критикует, хотя при Ю. А. Ножилове область, погруженная в ельцинско-гайдаровские реформы, утрачивала позиции, уступая их своим соседям (Красноярский край, Новосибирская область и др.), а при Б. А. Говорине наступило некоторое улучшение социально-экономических показателей. Но СМИ – великая вещь, и от того, как государственный или общественный деятель или чиновник ими пользуется, так и войдет в историю. Первоначально. А потом – когда разберутся, это будет интересно уже малому кругу лиц. И в этом смысле Н. Н. Муравьёв – и правило, и исключение из правила. О нем, в основном, хорошо писали современники, позитивно оценивает его деятельность и современная историческая наука. И в этом – масштаб личности Н. Н. Муравьёва-Амурского.

Развитие самой исторической науки невозможно без вовлечения в научный оборот новых источников, прежде всего, архивных, и их научной интерпретации. В этой связи особого внимания заслуживает небольшая статья начальника отдела информации, публикации и научного использования документов Государственного архива Иркутской области (ГАИО) Е. В. Ильиной. Ею представлен краткий обзор документальных материалов ГАИО о жизни и деятельности Н. Н. Муравьёва-Амурского. ГАИО – один из богатейших архивохранилищ России. Причем, во многом это заслуга генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва, при котором стал формироваться архив Главного управления Восточной Сибири. Фонд ГУВСа в настоящее время в архиве насчитывает 28 778 единиц хранения. Это документы, относящиеся к отдельным фактам биографии Муравьёва; документы, связанные с его преобразовательскими проектами; отражающие его дипломатическую деятельность; документы по административно-хозяйственной деятельности. Сотрудник архива также указывает на источники из семейного фонда Свербеевых. Этот фонд был передан ГАИО из Центрального государственного исторического архива в 1941 г., а рассекречен только в 1990 г. Изучение и использование этих документов (черновики рапорта Н. Н. Муравьёва великому князю Константину Николаевичу по составлению проекта установления границы между Россией и Китаем, проекты условий Муравьёва в Трибунал Внешних сношений Дайцингско-

го государства по границе и др.) поможет полнее представить картину российско-китайских отношений того периода. В архиве хранятся и воспоминания современников Муравьева о нем (Струве, Заборинского, Венюкова, Завалишина). Гораздо хуже сохранились, главным образом по причине пожара в Иркутске 1879 г., документы, относящиеся к изучению взаимоотношений Н. Н. Муравьева с Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (ВСОРО). Таким образом, публикация Е. В. Ильиной дает исследователю своеобразную развернутую информацию о документальной основе дальнейшего изучения «муравьевского времени» в Иркутске.

Документальная основа изучения жизни и деятельности сибирского генерал-губернатора освещена также в статье Т. А. Перцевой (канд. ист. наук, доц. ИГУ) и И. А. Корочкиной (г. Иркутск). Авторы подробно, насколько им позволил этот научный жанр, проанализировали тома документальной серии «Полярная звезда», по праву ставшей важным когда-то событием культурной жизни Сибири, да и России в целом. В 17 из 26 вышедших томов этого издания авторы нашли сведения или упоминания о Н. Н. Муравьеве-Амурском. Здесь и сугубо эмоциональное восприятие известия о прибытии на службу генерал-губернатора (В. И. Штейнгейль), и надежды на устройство карьеры своего сына при новом начальнике (В. Л. Давыдов), или племянника (П. А. Муханов), или возможности «замолвить словечко» генералу о судьбе какого-нибудь близкого человека, не обязательно родственника (В. И. Штейнгейль). Здесь и оценочные высказывания о способах решения амурской проблемы Муравьевым (Н. В. Басаргин), и оценка некогда нашумевшей дуэли между Неклюдовым и Беклемишевым (А. В. Поджио) и др. Авторы правы, назвав упомянутую серию дополнительным источником. Но это – дополнительный источник не только биографии главного героя конференции, но и декабристов. Видно, что бывшие декабристы уже не какие-то революционеры-радикалы, а люди, которых волнуют житейские проблемы, что естественно для их статуса и возраста. Многие из них превратились в простых обывателей, решающих свои личные проблемы. Для власти они не представляли никакой угрозы, отсюда и благосклонное отношение к ним нового генерал-губернатора. Почему бы без всякого риска не набрать дополнительных баллов популярности среди интеллигенции? К тому же русская интеллигенция так любит либеральные высказывания и действия власти. В то же время интерес представляют высказывания декабристов, часть из которых по-прежнему не доверяла власти. Это позволяет полнее представить картину «Н. Н. Муравьев-Амурский в восприятии современников».

Своеобразным дополнением к этой статье является публикация И. А. Корочкиной «Декабристы и амурский вопрос», в которой автор, используя те же и привлекая новые источники, подробно исследует заявленную проблему.

Привлекает внимание публикация д-ра ист. наук Ю. А. Зуляра (ИГУ, г. Иркутск) «Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский в представлениях своих современников-историков». Автор специально не занимается проблемами истории Сибири XIX в. и дореволюционной российской историографией. Поэтому рассмотрение заявленной темы может иметь как отрицательные,

так и положительные стороны. Исследователю, не имеющему ранее публикаций по заявленной или близким темам, часто бывает сложно разобраться в особенностях проблематики и ее историографических нюансах. В худшем случае – скатиться в дилетантизм. Но здесь есть и возможность посмотреть на проблему иначе, увидеть какие-то моменты, которые воспринимались как «проходные», либо по индивидуальным причинам не замечались предшественниками.

Нередко случается и так, что исследователь, долгое время занимающийся какой-то одной проблематикой, начинает повторять себя в различных интерпретациях, «увязать» в деталях, а иногда и просто не воспринимать новые подходы в рассмотрении проблемы, расходящиеся с его собственными. Этакий «научный» монополизм. Препятствием такому варианту являются профессионализм и скрупулезность, а также преодоление сложившихся стереотипов. Стоит ли повторять положение о том, что если собираются исследователи, придерживающиеся одинаковых или во многом схожих взглядов, то это легко превращается в «межсобойчик»? И является ли это тем направлением, по которому должна развиваться гуманитарная, да и любая другая наука?

Ю. А. Зуляр сопоставляет два источника: известную книгу И. П. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы для биографии» в 2 кн. (М., 1891) и небольшую работу проф. Харьковского университета П. Н. Бущинского «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Сочинение И. Барсукова: Рецензия» (Спб., 1895). Первая книга во многом заложила основы тех взглядов на Муравьева, которые преобладают и в современной литературе. Общий подход Ю. А. Зуляра таков: Н. Н. Муравьев-Амурский «выступает как целостный положительный образ национального героя. Это нормально, но профессиональные историки обязаны быть знающими и объективными» (с. 356). С этим нельзя не согласиться.

Подход И. П. Барсукова Ю. А. Зуляр расценивает как панегирический, хвалебный и патетический от начала до конца книги. Доблестный воин, одаренный умом государственный, обладавший дипломатическими и военными талантами, к тому же приветлив, добр и сердечен. Беспощадный преследователь лжи, лихоимства и нерадения к служебному долгу; внимателен к заслугам, щедр на награды. Постоянно руководился мыслью быть полезным Государю и Отечеству. Таков Н. Н. Муравьев-Амурский в книге И. П. Барсукова. Естественно, такое описание государственного деятеля у профессионального историка может навеять аналогии с античными героями или «рыцарями без страха и упрека» из романов Вальтера Скотта. Даже беглое знакомство с биографиями государственных деятелей разных стран и народов приводит к желанию «сбросить вуаль», посмотреть на вещи прагматичным взглядом. Кроме того, возникает вопрос любого скрупулезного, а тем более въедливого (в положительном смысле слова) исследователя: а так ли это? Согласимся, что и на уровне эмоционального восприятия только одной хвалебной информации закрадываются сомнения в ее абсолютной истинности.

Неслучайно Ю. А. Зуляра основное внимание в своей публикации уделит критике книги И. П. Барсукова профессором П. Н. Буцинским. На помощь приводится мнение Н. П. Матхановой, изложенное в книге «Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников» (Новосибирск, 1998), о том, что многие свидетельства современников о Муравьеве были проигнорированы И. П. Барсуковым.

П. Н. Буцинский, например, ссылаясь на свидетельства современников, говорит о таких чертах характера Муравьева, как честолюбие и самолюбие, склонность к крайнему деспотизму. Наряду с бесспорной даровитостью, энергией, способностью к кипучей деятельности в главном герое присутствуют и такие черты, как тщеславие, самолюбие, несправедливость, а самолюбие и самохвальство у него беспредельны. Допустим, что эти характеристики были вызваны некоторыми обидами, личностным обостренным восприятием, даны с некоторым «перебором». Но Буцинский критикует и политику Муравьева, отмечая не только ее отдельные недостатки, но и серьезные ошибки. Договоры Н. Н. Муравьева были менее успешны и значимы, чем договоры Е. В. Путятина в Тяньцзине и особенно Н. П. Игнатьева в Пекине. Политика Муравьева способствовала тому, что Иркутская губерния стала дефицитной по зерну, а перегонка хлеба на водку и упразднение откупов привели к развитию пьянства в губернии. Увлечение амурскими делами привело к ослаблению внимания к деятельности административных и судебных властей, и те делали, что хотели. И почему же Н. Н. Муравьев-Амурский после отъезда из Сибири 20 лет искал службы, но напрасно? Потому, отвечает П. Н. Буцинский, что Александр II, наконец, узнал, что за человек Муравьев и к каким последствиям привела его деятельность Восточную Сибирь, а его донесения мало соответствовали действительному положению дел в крае, которым он управлял.

В публикации Ю. А. Зуляра могло быть уделено больше места анализу сопоставления этих двух позиций, но сам авторский подход приведения в таком объеме критики политики и некоторых особенностей характера главного героя для профессионального исследователя вполне оправдан. Также, впрочем, как каждый гражданин в демократическом обществе может иметь свое критическое отношение к власти в прошлом и настоящем.

Насколько обогатилась историография о деятельности Н. Н. Муравьева в Восточной Сибири? Дают ли материалы конференции приращение новых фактов, способных дополнить сложившиеся представления о главном герое? Остановимся на небольшой статье слависта д-ра ист. наук Б. С. Шостаковича (ИГУ, г. Иркутск) «Н. Н. Муравьев-Амурский и политические ссыльные поляки в Восточной Сибири (по малоизвестным источникам)». Прежде всего, о конструкции самой статьи. Условно ее можно разделить на три части: в первой автор, ссылаясь на собственные публикации, вновь возвращается к положению о том, что без польской составляющей понимание истории политической ссылки в Сибирь будет неполным; во второй приводит пространные выдержки из мемуаров участника Ноябрьского польского восстания Винценцы Мигурского (в большей степени) и «выдающегося деятеля борьбы за незави-

симось Польши», по словам автора, ссыльного Агатона Гиллера (в меньшей степени) и, наконец, третью часть составляют ссылки, очень развернутые и пространные настолько, что они имеют самостоятельное познавательное значение.

Разумеется, польская составляющая ссылки в Сибирь очевидна и вряд ли кем-то из компетентных исследователей отрицается. Общеизвестно, что польский народ, а не только шляхта, получив от Александра I Конституционную хартию 1815 г., означавшую, по сути, возрождение части бывшей Речи Посполитой в новых условиях, посчитало ненужным входить в состав Российской Империи, поскольку и так всего добились. Начав войну с российской короной, они, потеряв то, что имели (Органический статут вместо Хартии), стали добиваться утраченного, но опять-таки без России. Какая же ссылка как самая распространенная карательная мера Российской Империи может быть без такой организованной национально-политической оппозиции? Другое дело, что не все исследователи подчеркивают этот факт в своих публикациях. Их-то и приводит в качестве примера Б. С. Шостакович.

Теперь о второй и третьей частях статьи. Здесь действительно содержатся некоторые штрихи к сибирской биографии Н. Н. Муравьева. В частности, его роль в применении Манифеста 26 августа 1856 г. об амнистии политических ссыльных в связи со вступлением на престол императора Александра II. По сути, должностное лицо общей компетенции регионального уровня, т. е. Н. Н. Муравьев, выполняло волю и указ императора. Разве он, генерал-губернатор, мог поступить иначе? Но приведенные свидетельства ссыльных поляков интересны сами по себе. Например, В. Мигурский в воспоминаниях, созданных им в Иркутске в 1859 г., следующим образом характеризует Н. Н. Муравьева: «Смелый, деятельный, предприимчивый, активный, энергичный» (с. 376). Приводит поляк и факт общения с Муравьевым. При перемещении батальона, к которому был приписан Мигурский, и выступлении в поход, «господин граф был так любезен, что велел спросить меня, не желаю ли я принять в нем участие. Но я горячо поблагодарил господина графа за оказанную мне благосклонность и через этого же адъютанта Черкасского ответил, что если мне предоставляется выбор, то признаюсь откровенно, что не желаю участвовать в походе, целью которого является расширение московских границ» (с. 377). Таким образом, общение было косвенным, через адъютанта. К тому же, приведенный факт больше характеризует самого Мигурского: истинный шляхтич никогда не будет участвовать в расширении и укреплении Российского государства. Способствовать укреплению Российского государства и даже сложить за него головы могли татары, армяне, грузины, прибалтийские немцы. Мог ли это сделать шляхтич-поляк? Почти риторический вопрос (см. ответ ссыльного поляка Винценты Мигурского «самому» генерал-губернатору Восточной Сибири Николаю Муравьеву). К тому же воспоминания, не опирающиеся на конкретные документы, как источники очень уязвимы. Они скорее интерпретируют позицию их авторов, разумеется, в выгодном для них ключе, чем подлинность и достоверность того или иного события.

А. Гиллер характеризует Муравьева как «просвещенного, справедливого к польским ссыльным и к полякам в целом, доброжелательного». В целом же публикация Б. С. Шостаковича, основанная на малоизвестных источниках, новыми фактами подтверждает покровительственное отношение Н. Н. Муравьева к политическим ссыльным-полякам, как и декабристам и петрашевцам. Очевидно, здесь можно наблюдать не только служебное рвение, но и черты характера генерал-губернатора. Но публикация Б. С. Шостаковича, заметим еще раз, интересна не только этим.

А какова же была повседневная жизнь высшего общества в период правления Н. Н. Муравьева? Этому посвящено несколько публикаций, помещенных в сборнике Г. А. Андриец (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток), основываясь на опубликованных и неопубликованных источниках (РГИА ДВ), показывает генерала на торжественных приемах, парадных обедах и балах, различных праздниках. Жизнь высшего должностного лица должна быть и была публичной. Н. Н. Муравьев предстает человеком, хорошо знавшим правила игры: строго соблюдая этикет, стараться не заформализовать его, а быть человеком, открытым для тех категорий людей, которые должны быть твоей опорой в выполнении повседневных функций. Статья дополняет информацию о понимании значения заключенного при активном участии Н. Н. Муравьева Айгунского договора потомками (1868, 1908 гг.). При этом важно отметить, что это были не просто официальные мероприятия, организованные властью, а торжества, проведенные при самом широком участии общественности.

Но так ли все было гладко и «гламурно» в повседневной жизни общества «муравьевских» времен? Не только дополняет эту картину, но и дает возможность посмотреть на нее с иной стороны публикация канд. ист. наук Л. Я. Подольской (Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Минюста России, г. Иркутск). Известный в профессиональных кругах специалист по творчеству сибирского историка и публициста В. И. Вагина Л. Я. Подольская собрала и обобщила наиболее яркие высказывания своего героя о генерал-губернаторе Восточной Сибири. И здесь парадный портрет Н. Н. Муравьева несколько утрачивает свой лоск. Может, В. И. Вагин пристрастен, был каким-то образом обижен всемогущим генерал-губернатором? Может быть. Но Вагин в течение ряда лет собирал материалы, воспоминания о Муравьеве. Вагин одним из первых воссоздал подробности нашумевшей в свое время дуэли иркутянина Н. С. Неклюдова и чиновника особых поручений Главного управления Восточной Сибири Ф. А. Беклемишева. Неклюдов, порицавший взяточничество, казнокрадство, беззакония иркутских властей, погиб на дуэли. Его похороны вылились в демонстрацию внутреннего протеста против «муравьевцев». К ним относились люди, приласканные властью и пользовавшиеся покровительством губернатора, использовавшие это положение в своих интересах.

В статье показано и отношение Н. Н. Муравьева к местным чиновникам. «Хозяин» генерал-губернаторства во многом способствовал крушению их карьеры. Но был ли он самодуром и деспотом? Вагин признавал, что Муравь-

ёв признавал свои ошибки, старался их исправить. Да и можно ли назвать чиновный мир Восточной Сибири, во многом не имевший специального образования и опыта, объектом губернаторского произвола? Автор правильно отмечает, что Вагин, как и многие его современники, высоко оценивал государственную деятельность Н. Н. Муравьёва-Амурского. Но Вагин не принимал стиль его управления, не допускавший критических замечаний о распоряжениях, не терпевший разногласий между ним и подчиненными; преследовавший людей, а не их злоупотребления. Все это говорит о жестко авторитарном стиле управления главного героя книги.

Н. Н. Муравьёв вошел в историю, прежде всего, как государственный деятель и дипломат, разрешивший территориальные проблемы с Поднебесной, государством, терявшим силу и влияние в середине XIX в., в отличие от сегодняшнего мощного экономического и военного рывка. Но и решить эти проблемы можно было по-разному. Сопоставление двух различных взглядов на дальневосточную политику Российской Империи, а именно Н. Н. Муравьёва и графа Е. В. Путятин, дано в статье канд. ист. наук М. М. Плотниковой (ИГУ, г. Иркутск). В чем же заключались эти взгляды, в чем было расхождение позиций этих двух выдающихся деятелей России середины позапрошлого столетия? Решая одну и ту же важнейшую для России задачу, а именно присоединение левого берега и устья Амура, они видели различные способы решения этой задачи. Н. Н. Муравьёв предлагал демонстрацию сухопутной силы, дипломат Е. В. Путятин – морской. Путятин, конечно, был более подготовлен для юридического оформления дипломатических решений. Именно он был составителем проекта трактата, ставшего основой Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров. Между двумя современниками была вполне объяснимая конкуренция и даже, как пишет М. М. Плотникова – личная неприязнь. Автор разграничивает их подходы следующим образом: Н. Н. Муравьёв смотрел на Амур как на геополитическую составляющую Восточной Сибири, а Е. В. Путятин – как на составляющую часть внешнеполитической задачи по юридическому оформлению дальневосточной границы России. Но так ли уж серьезны были эти расхождения? Скорее, позиция обоих расходилась с видением проблемы российским правительством и министерством иностранных дел, опасавшимся последствий силового давления на Китай и вмешательства Англии, Франции и США. В целом же, на наш взгляд, публикация М. М. Плотниковой – одна из наиболее сильных и доказательных среди посвященных графу Н. Н. Муравьёву-Амурскому в сборнике.

В заключение отметим еще одну небольшую публикацию. Д-р ист. наук В. Г. Дацышен (г. Красноярск) рассмотрел «китаеведческий потенциал» Восточной Сибири в период правления здесь Н. Н. Муравьёва. Автор перечисляет тех лиц, которые составляли интеллектуальный потенциал российского китаеведения того времени. Особенно он отмечает роль ученика Духовной миссии, переводчика Азиатского департамента МИД К. Г. Крымского и бывшего певого заведующего кафедрой китайского языка Казанского университета архимандрита Даниила (Д. П. Сивиллова). Образ генерал-губернатора дополняется информацией о представленных им императору Николаю I про-

ектах преподавания китайского языка в Иркутске, предложении об учреждении при Иркутской гимназии кафедры китайского и маньчжурского языков. Правда, и этот проект Н. Н. Муравьева не был поддержан Министерством народного просвещения. Но этот факт свидетельствует о перспективном видении Муравьевым проблемы в целом, а не только исходя из конкретной ситуации, связанной с решением «амурского вопроса» в какой-то определенный период.

Таким образом, в целом рецензируемое издание достойно пополнило серию «Азиатская Россия», а публикации, посвященные генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому, подвели своеобразный итог изучения его жизни и деятельности, акцентировали внимание на некоторых спорных моментах, оценивающих его политическое наследие, ввели в научный оборот новые источники. Настоящий и будущий исследователь «муравьевского периода» в истории Восточной Сибири и Дальнего Востока, да и любой любитель российской истории, надеемся, не раз будет вчитываться в материалы этой всероссийской научной конференции.

N. N. Muraviev-Amurskiy in Materials of All-Russian Scientific Conference «Siberian Society in Terms of World and Russian History (XIX–XX-th c.)»

V. N. Kazarin

Irkutsk State University, Irkutsk

The article examines the approaches to the research of personality and activity of N. N. Muraviev-Amurskiy, the Eastern Siberia Governor-General in the materials of the All-Russian scientific conference. Besides it analyses the contemporary situation of the issue study and its perspectives.

Key words: N. N. Muraviev-Amurskiy, Russian-Chinese relations, Siberian Society, Decembrists, The exiled Polish, historiography.

Казарин Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор Юридического института Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: tgp_08@mail.ru

Kazarin Viktor Nikolayevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Law Institute, the Irkutsk state University, Irkutsk, e-mail: tgp_08@mail.ru